

А Л Е К С А Н Д Р К А Р Е В И Н

СУМЕРКИ НЕВЕЖЕСТВА

ТЕХНОЛОГИЯ ЛЖИ

ИЛИ 75 ОЧЕРКОВ
О СОВРЕМЕННОЙ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Александр Семенович Каревин
Сумерки невежества.
Технология лжи, или 75
очерков о современной
фальсификации
истории Украины

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17967380

Сумерки невежества. Технология лжи, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины: ЗАО Издательство

Центрополиграф; М.; 2016

ISBN 978-5-227-06377-9

Аннотация

Книга представляет собой сборник материалов, посвященных ведущейся сегодня на Украине «войне» за историю. Фальсификация прошлого там приобрела масштабы стихийного бедствия. Главная цель «бойцов фальсификаторского фронта» – противопоставить украинцев (малорусов) и великорусов, сравнить их между собой, навсегда разделить Россию и Украину в людском сознании. Ряды фальсификаторов разношерстны: от вроде бы солидных ученых со степенями и званиями до

откровенных дилетантов и шарлатанов. К их услугам на Украине – телевидение, радио, печатные СМИ, книжные издательства, а среди пропагандируемых тезисов многие находятся за гранью здравого смысла. Помогают украинским «корректировщикам» истории и некоторые российские авторы. Обо всем этом и пойдет речь в книге.

Содержание

От автора	7
Бездна невежества	13
Бездна невежества-2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	69

**Александр
Семенович Каревин
Сумерки невежества.
Технология лжи, или 75
очерков о современной
фальсификации
истории Украины**

© Каревин А.С., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2016

* * *

Во всяком научном и общественном деле, во всем, что касается всех и требует общих убеждений и усилий, порою проявляется ложь, ложное, кривое направление, которое не только временно держится, но и берет верх, пригнетая истину, а с нею и всякое свободное выражение мнений и убеждений. Дело обращается в привычку, в обычай,

толпа торит бессознательно пробитую дорожку, а коноводы только покрикивают и понукают. Это длится иногда довольно долго; но, взглядываясь в направление пути и осматриваясь кругом, общество видит наконец, что его ведут вовсе не туда, куда оно надеялось попасть; начинается ропот, сперва вполголоса, потом и вслух, наконец поднимается общий голос негодования, и бывшие коноводы исчезают, подавленные и уничтоженные тем же большинством, которое до сего сами держали под своим гнетом.

Владимир Даль

От автора

Осенью прошлого (2014-го) года во время участия в ток-шоу на одном из российских телеканалов у меня возник небольшой спор с телеведущим Петром Толстым. Передача была посвящена так называемому «переписыванию истории» на Украине. Разговор зашел о некоем Валерии Бебике, вот уже много лет регулярно выступающем на Первом канале Украинского радио с циклом программ «Из глубины тысячелетий».

Бебик обычно рассказывал об украинцах как первопричине развития человечества. Дескать, и письменность изобрели украинцы, и пирамиды египтянам построили, и Рим основали. А еще – сочинили древним грекам их мифы, стали родоначальниками королевских династий в Западной Европе, принесли цивилизацию в Индию и Китай, открыли Америку и т. д. Иисус Христос, согласно Бебику, был украинского происхождения. Будда и Заратустра – тоже. А также множество великих государственных деятелей, полководцев, писателей, ученых древности. И вообще, уверял автор радиоцикла, украинцы – нация, равная самому Господу Богу.

Я утверждал тогда, что дураки есть везде и принимать их всерьез не стоит – над «просветительскими» передачами Бебика можно посмеяться, и не более того. Украинцы, по моим наблюдениям, к тем передачам относятся, за, быть может,

редким исключением, с юмором и считают их автора чудачком (чтоб не сказать резче).

Петр Толстой придерживался иной точки зрения. Хотя дураки встречаются везде, соглашался он, но не везде они допущены к образовательному процессу (Бебик является профессором и проректором одного из киевских вузов). И не везде имеют возможность регулярно проповедовать свои «идеи» в общегосударственном масштабе.

Позицию телеведущего поддержали некоторые российские эксперты, но в целом каждый остался при своем мнении. Я опирался на личные впечатления. Ну, не было среди моих знакомых (людей разных взглядов и образовательного уровня) ни одного, кто бы поверил, например, в рассказы Бебика об украинстве Христа! Да и как можно в такое поверить, если дружить с головой?

В собственной неправоте я убедился немного позже. Нет, уверенность в том, что здравый смысл и цикл передач «Из глубины тысячелетий» несовместимы, у меня сохранилась. Выяснилось, однако, что на Украине количество людей, руководствующихся здравым смыслом, мною сильно преувеличивалось.

Дело в том, что Валерия Бебика выдвинули на соискание высшей в стране Шевченковской премии. Выдвинули именно за тот самый цикл передач. И инициатором выдвижения оказался не коллектив палаты какой-нибудь психиатрической лечебницы, а Национальный союз журналистов Укра-

ины. Кандидатура рассматривалась заинтересованными инстанциями на полном серьезе.

Правда, премию Бебику в тот раз не дали. Но думаю, совсем не из-за абсурдности производимого им «информационного продукта». Позволю себе предположить, что внушительное по размеру денежное вознаграждение от государства в насквозь пронизанной коррупцией системе вообще невозможно получить без «откатов». И видимо, распределители премии посчитали для себя более выгодным возвести в шевченковские лауреаты других претендентов. Тут, однако, важна сама возможность получения такой премии за такую деятельность. Тем более что перспектива лауреатства за Бебиком сохраняется – его передачи до сих пор регулярно выходят на том же всеукраинском радиоканале.

И если бы только Бебик! Тем, кто не проживает ныне на Украине, трудно даже представить, какая ахинея заполонила тамошний теле и радиоэфир, полосы газет, страницы книг и журналов, интернет-сайты. Кажется, чем тупее, бездарнее, безграмотнее какой-то автор, тем больше у него шансов попасть в «авторитеты», стать на Украине «властителем дум», к словам которого будет прислушиваться публика. Для таких авторов в стране действует режим наибольшего благоприятствования. Вот они и резвятся. И делают свое дело, распространяя вокруг невежество.

Кто-то очень хитрый запустил этих «специалистов» в украинское информационное пространство. Зачем? Поче-

му? Все происходящее имеет свой смысл. И прошу прощения за каламбур, внедрение бессмыслицы в сознание украинцев совсем не бессмысленно. Темных, невежественных людей легко обмануть, дезориентировать, толкнуть на гибельный (но выгодный инициаторам обмана) путь. Чем больше бреда будут слышать, видеть, читать обыватели каждый день, тем сильнее и быстрее запутаются.

Истории в этом процессе придается особенное значение. Известно, что изменить прошлое нельзя, но возможно изменить отношение к прошлому, если извратить информацию о нем. А человек, не знающий своего прошлого, в будущем – обречен.

Путем «переписывания истории» украинцев побуждают отречься от своих русских корней, от русского языка и культуры, забыть заветы предков, отказаться от своих национальных героев (подменив их псевдогероями), а главное – возненавидеть соседнюю братскую страну – Россию, с которой, нравится это кому-то или нет, Украина исторически составляет единое целое. Иными словами – народ пытаются (и не безуспешно!) превратить в стадо манкуртов.

Не сегодня и не вчера началась эта вакханалия русофобской глупости. Сумерки невежества сгущаются над моей страной уже четверть века. Количество с течением времени перешло в качество. И пожалуй, говорить теперь следует не о сумерках, а о натуральной тьме невежества, поглотившей Украину.

Вот о поглощении Украины тьмой и пойдет речь в книге. На конкретных примерах стремился я показать, как, фальсифицируя историю, насаждают в массах невежество недобросовестные и, как правило, недалекие псевдопросветители. Ряды фальсификаторов разношерстны – от вроде бы солидных ученых с учеными званиями и степенями до откровенных дилетантов и шарлатанов. В этом направлении прилагают усилия многие. Кстати, не только украинцы. Над манкуртизацией народа Украины трудятся и некоторые россияне. Чего стоит, например, «творчество» одной петербургской «ученой» дамы, чьи сочинения сегодня охотно переиздаются на Украине в переводе на украинский язык. Рассказ об этом «творчестве» открывает книгу.

Некоторые приводимые ниже тексты в виде отдельных статей публиковались в украинских СМИ (разумеется, публиковались давно, до «революции достоинства», на корню пресекающей возможность дискуссии и обнародования мнений, не совпадающих с «единственно правильной» официальной точкой зрения). Другие – публикуются впервые. Результат трудов сеятелей невежества мы видим воочию.

Украина стремительно превращается в нацистское государство, а ее жители – в сообщество озлобленных и невежественных существ – манкуртов. Не все (далеко не все!) украинцы стали таковыми, но процесс продолжается. Это наша печальная действительность.

Впрочем, за ночным мраком всегда приходит рассвет. Та-

ковы законы природы и законы истории. Очень хочется верить, что украинская «темная ночь» не будет полярной и утро уже близко. Только вот не зря существует малороссийская поговорка: «Доки сонце зійде, роса очі виїсть» («Пока солнце взойдет, роса глаза выест»). А значит, момент рассвета, по возможности, надо приближать. Собственно, ради этого и писалась предлагаемая на суд читателей книга.

Александр Каревин, сентябрь 2015 года

Бездна невежества

Можно простить незнание, но не такую дерзкую демонстрацию несуществующего знания.

В. Рамсей, английский ученый

Ажиотаж, вызванный еще несколько лет назад выходом в Москве в серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей») биографии Ивана Мазепы, не утих до сих пор. Если автор этого сочинения профессор Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук Татьяна Таирова-Яковлева ставила перед собой цель создать нечто замечательное (в смысле – заметное), то таковая цель, безусловно, достигнута.

Как рассказывает сама сочинительница, в 2003 году к ней обратились из редакции издаваемого Институтом всеобщей истории РАН журнала «Новая и новейшая история» с просьбой написать о знаменитом гетмане статью, «где был бы выражен новый нетрадиционный российский взгляд на его личность». «Ко мне, – пояснила Таирова-Яковлева, – обратились потому, что я единственная, кто в России занимался Гетманщиной». Просьбу редакции она выполнила и, «отбросив стереотипы, навязанные имперскими, а потом и советскими историографами», сочинила нужный материал.

Когда статью опубликовали, последовало новое предложение, теперь уже от издательства «Молодая гвардия», на-

писать о гетмане Мазепе книгу. Книга была написана, издана, после чего и начался упомянутый ажиотаж. Автора заметили. По словам вновь-таки самой Таировой-Яковлевой, Владимир Путин дал ей именной грант, «как молодому доктору наук». Министерство иностранных дел России попросило «ученую» подготовить историческую справку о событиях 1708 года в Батурине (данную тему как раз начали очень активно поднимать на Украине, что влияло на российско-украинские отношения). И эту просьбу «молодой доктор наук» уважила. Затем Таирову-Яковлеву ввели в российско-украинскую комиссию историков, «очень серьезную поддержку» получила она в Санкт-Петербургском университете, а ее книгу о Мазепе дружно одобрили «коллеги-специалисты».

Еще больший фурор книга «Мазепа» вызвала на Украине. Виктор Ющенко (на тот момент занимавший пост президента Украины) даже наградил автора орденом княгини Ольги III степени «за значительный личный вклад в исследование истории Украины и украинско-российских взаимоотношений, плодотворную научную деятельность». О выходе «Мазепы» с восторгом упомянул в выпуске новостей Первый национальный канал Украинского радио (дескать, наконец-то в России издана правдивая книга о выдающемся гетмане). Свое восхищение Таировой-Яковлевой и ее произведением выразил целый ряд украинских деятелей, называющих себя историками. «Захватывающий рассказ о шекспи-

ровской судьбе героя. Все задокументировано. Без стереотипов. Эту бы книжку в каждую украинскую школу», – писал, например, в своем блоге на сайте «Украинская правда» доктор исторических наук Алексей Гарань.

Появились положительные отклики в газетах. Сразу несколько изданий («Зеркало недели», «День», «Украина молодая» и др.) опубликовали интервью с «известной российской исследовательницей украинской истории». Правда (примечательная деталь!), столь благожелательное внимание к Таировой-Яковлевой и ее труду высказали именно те деятели и издания, которые последовательно занимают русофобскую позицию. Они не жалели похвал. «Делает настоящую «революцию» в российской историографии», «развенчивает практически все главные «страшилки» и мифы о «знаковом гетмане», «ищет (и все-таки находит!) историческую правду», «и понемногу... переписывает историю» – вот только некоторые из характеристик, данных новоявленной российской мазеповедке украинскими симпатиками.

Не особо скромничала и сама сочинительница. Она заявила, что ее книга стала «полным откровением» для российских читателей и что там (в книге «Мазепа») представлен «именно взвешенный, профессиональный взгляд на нашу общую историю». Поясняя неправильные (по мнению журналистов упомянутых изданий) оценки, которые даются в России некоторым украинским гетманам, г-жа Таирова-Яковлева снисходительно заметила, что все это «идет от

незнания». Себя она, надо полагать, отнесла к знающим. А напрасно. Как ни парадоксально, но истории сия «ученая» дама (повторюсь еще раз – доктор исторических наук, профессор!) не знает. Написанная же ею биография Мазепы – это буквально бездна невежества.

Первое, что поражает при чтении указанного сочинения, – огромное, непростительное для обладателя ученой степени, количество ошибок. Так, гетман Правобережной Украины Михаил Ханенко «переименован» в Ивана. Киево-Могилянская коллегия применительно к XVII веку упорно называется Академией (каковой она стала лишь в 1701 году) и объявляется «первым высшим учебным заведением в Восточной Европе» (было ли то заведение высшим – вопрос спорный, но в любом случае университеты в Вильно и Дерпте основаны раньше). «Вторым высшим учебным заведением в Восточной Европе» назван Черниговский коллегиум, основанный в 1700 году, хотя известно, что Эллино-греческая (позднее – Славяно-греко-латинская) академия в Москве существовала с 1687 года. Русское государство времен Мазепы именуется «Российской империей» (каковой Россия была провозглашена в 1721 году, после присоединения Прибалтики). Сообщается, что по условиям Карловицкого мирного договора (1699 год) Турция сохраняла за собой Подолье (в действительности турки уступали эту область Польше).

Рассказывая о взятии Семеном Палием Белой Церкви, ав-

тор книги заявляет: «После этого польская власть на Волыни была ликвидирована». Однако Белая Церковь находится не на Волыни, значительная часть территории которой, кстати сказать, вообще не была охвачена восстанием Палия, и, следовательно, польская власть там не ликвидировалась.

Взятие в 1695 году малороссийскими (ими командовал Мазепа) и великороссийскими войсками татарской крепости Кизикирмен объявляется грандиозным событием мирового значения. «Победа имела огромный резонанс во всей Европе, – сообщает Таирова-Яковлева. – Со времен Вены подобного удара туркам не наносили». Между тем «ученой» даме, на тот момент числившейся в Санкт-Петербургском университете при кафедре истории славянских и балканских стран, можно бы было знать (ну хотя бы в энциклопедии посмотреть), что в период с 1683 года (разгром турецкой армии под Веной) и до 1695 года произошло отвоевание у турок австрийцами восточной Венгрии, Славонии, Баната, взятие Буды, Белграда, захват венецианцами ряда важных крепостей в Далмации, отвоевание ими же Морей. Все эти нанесенные Османской империи удары были куда более серьезными, чем взятие Кизикирменского городка.

Касаясь истории церкви, Таирова-Яковлева отмечает, что после смерти Иова Борецкого казаки возвели «на должность митрополита» Петра Могилу, в то время как киевским митрополитом в действительности стал Исайя Копинский. Петр Могила занял кафедру митрополита уже после него. И воз-

водили церковных иерархов «на должность» не казаки. Много в «Мазепе» заурядной путаницы. К примеру, на одной странице Иван Искра (соратник Василия Кочубея) именуется внуком известного казацкого вождя Якова Остриницы, а на другой – его правнуком (правилен первый вариант). В одном месте книги утверждается, что генеральный писарь контролировал всю переписку гетмана, а в другом – что гетман мог переписываться «и без ведома генерального писаря». На одной и той же странице сначала сообщается, что Мазепа перешел к шведам «без всякого предварительного соглашения», а потом (в следующем абзаце) – что «перед лицом наступления шведов Мазепа заключил с ними соглашение и тем самым пытался спасти Украину от разорения (как русскими, так и шведскими войсками)». Утверждается, что Василия Кочубея гетман в первые годы правления «считал доверенным человеком, делился с ним своими переживаниями», затем же сообщается, что Кочубею он «не верил никогда, с самых первых дней своего гетманства».

Последнее утверждение вызывает сомнение еще и потому, что опирается тут «ученая» дама на письмо Мазепы к Меншикову, где будто бы есть подтверждающие данный тезис высказывания («Кочубей исконный мой есть враг, который от начала моего хлопотливого гетманства всегда был мне противный» и т. д.). Исходя из этого Таирова-Яковлева считает «совершенно невероятным», чтобы гетман мог доверить Кочубею свои тайные планы. Однако упомянутое пись-

мо к Меншикову было написано Мазепой в марте 1708 года, как раз когда гетман узнал о донесении Кочубея и отношение его к «предателю» резко ухудшилось.

Кстати, с Василием Кочубеем связаны еще несколько авторских «проколов». К этому деятелю она испытывает явную антипатию, объявляя его «туповатым», с «местечковой ограниченностью взглядов». С другой стороны, тот же Кочубей, по уверению сочинительницы, играл «ключевую роль» в свержении Самойловича, тайно поддерживал мятеж Петрика. Резонно спросить: мог ли туповатый и ограниченный человек руководить успешным заговором, в течение многих лет ловко плести интриги? Однако ставить такой вопрос излишне, ибо и «туповатость» Кочубея, и его «ключевая роль» в интригах и заговорах – плод авторского вымысла.

Еще один пример неубедительности «ученой» дамы – ее комментарий к содержавшемуся в донесении Кочубея известию о том, что Мазепа планировал убить Петра I, заманив его в Батурин. «Представить, что верующий православный, стремившийся до последнего сохранять союз с Россией (это все о Мазепе! – *Авт.*) и отступить от него лишь в крайнем случае, когда обоснованность этого поступка будет очевидна для Европы, станет покушаться на подлое убийство, – более чем невероятно», – заявляет Таирова-Яковлева. И она же именует Мазепу «талантливым последователем Макиавелли», даже одну из глав своего сочинения называет «Ученик Макиавелли», вероятно позаимствовав это название из

книги украинского русофобствующего псевдоисторика Сергея Павленко «Миф про Мазепу», где тоже есть соответствующий заголовок. (В пользу данного предположения говорит тот факт, что данную книгу «ученая» дама не упомянула в списке использованной литературы, хотя в более ранних своих работах на нее ссылается.) Между тем Макиавелли как раз и известен тем, что считал вполне допустимым для достижения политических целей любые средства, самые преступные и аморальные, включая подлое убийство. Создается впечатление, что часто вспоминающая итальянского мыслителя, объявляющая Мазепу его учеником и вместе с тем глубоко верующим православным человеком сочинительница просто не понимает, о чем пишет.

Впечатление такое складывается не только в отношении Макиавелли. Скажем, Таирова-Яковлева уверяет, что по одному и тому же русско-польскому договору о «вечном мире» (1686 год) «Подолье попало под власть Турции», все договоры с турками аннулировались и Москва вступала в антитурецкую Священную лигу. Автор даже не задумывается, как Подолье могло попасть под власть Турции по договору, в котором Турция участия не принимала и который к тому же носил антитурецкую направленность. На самом деле эта область вошла в состав Османской империи по польско-турецкому договору 1672 года, а в 1686 году Польша пыталась вернуть ее с помощью России.

Это ошибки в деталях. Есть и более серьезные. Неправо-

мерно, например, трактовать переход Мазепы к шведам как «русско-украинский конфликт». Ведь известно, что Украина не поддержала гетмана-перебежчика. Вместе с великорусами украинцы (малорусы) отражали шведское нашествие. Имя же Мазепы в сознании малорусского народа надолго стало синонимом предательства.

Точно так же несправедливо утверждать, будто крепостное право на Украине «ввели только в конце XVIII века при Екатерине II», а при гетманах его «не существовало». Крепостнические порядки в Малороссии старательно устанавливались именно гетманами (Мазепой особенно) и другими представителями казацкой старшины. Екатерина II в 1783 году официально оформила положение, которое уже было в реальности. Вряд ли правомерно проводить «прямую параллель» между вынужденным разрывом польским королем Августом II антишведского союза с Россией и предательством Мазепы. Август II был главой суверенной страны, а Мазепа – царским подданным, руководителем одного из регионов Русского государства.

И уж конечно, не имеет ничего общего с исторической правдой давно опровергнутый миф о «Батуринской резне», который Таирова-Яковлева тужится распространять, демонстрируя, как обычно, собственную неосведомленность. Например, она сообщает о неудачных попытках Меншикова «взять хорошо укрепленный город штурмом». На самом деле город был укреплен плохо и взяли его с первой попыт-

ки. Видимо, столь усердно бичующая Кочубея «ученая» дама недостаточно внимательно читала его «донос», где сообщалось и о состоянии гетманской столицы: «Батурин 20 лет стоит без починки, и того ради валы около него всюду осунулись и обвалились; взглядом того и одного дня неприятельского наступления отсидеться невозможно».

Говорит Таирова-Яковлева и об уничтожении российскими войсками «всего гражданского населения». «Погибло тогда, – сокрушается она, – около 15 тысяч украинцев, в том числе все женщины и дети, укрывавшиеся в замке. Современные исследования археологов рисуют страшную картину резни. После этого все дома, церкви и монастыри были разграблены и согласно царскому указу сожжены».

Между тем никакой резни в Батурине не было. Был штурм Батуринского замка, бой с частью его гарнизона (только с частью – другая часть не поддержала изменников). Разумеется, во время штурма могли быть (вероятно, и были) жертвы среди мирных жителей, оказавшихся в эпицентре сражения. Но случайную гибель некоторого (точно не установленного) количества людей неправомерно называть резней, целенаправленным уничтожением «всего гражданского населения». Выдумку про «резню» сочинил еще сам Мазепа. Вместе с другими выдумками она содержалась в универсале, рассылавшемся гетманом-изменником по Малороссии с пропагандистской целью. Но уже преемником Мазепы – новым гетманом Иваном Скоропадским ложь была опроверг-

нута (универсал от 8 декабря 1708 года): «Що о женах и детях, о гвалтованю панен и о ином, що написано во изменническом универсале, то самая есть неправда... Не тылко тые не имеючие в руках оружия, але большая часть з сердюков и з городовых войсковых людей, в Батурине бывших, на потом пощажены и свободно в дома, по указу Царского Пресветлого Величества, от князя, Его Милости, Меншикова, отпущены».

Вряд ли можно для доказательства резни сослаться и на «современные исследования археологов». Несколько десятков (а не 15 тысяч!) скелетов, найденных на месте раскопок в Батурине, были объявлены в современной Украине «жертвами московского геноцида» совершенно голословно, из политических соображений. «Ученой» даме, живописующей «трагедию», очевидно, неизвестно об универсале Ивана Скоропадского от 22 декабря 1708 года, выданном батуринскому атаману Данилу Харевскому. Тот универсал разрешал жителям Батурина (тем самым, кого якобы поголовно вырезали!) вновь селиться на старых местах. Опись города, произведенная в 1726 году, зафиксировала наличие 428 дворов жителей посполитого звания и 104 двора казаков, большинство из которых жили в Батурине еще во времена Мазепы и, вернувшись после разорения города, «поселились в старых домах на своих местах». Как видим, и дома были сожжены не все. Но г-жа Таирова-Яковлева ничего об этом не знает. Можно только представить, какую «историческую справку»

подготовила она для российского МИД.

Не блещет сочинительница знаниями и при описании жизнедеятельности главного героя повествования. Например, крайне неумело пытается она опровергнуть рассказ польского шляхтича Яна Пасека о получившем широкую огласку финале романа Мазепы с замужней шляхтянкой. Оскорбленный муж Мазепиной возлюбленной приказал слугам привязать голого ловеласа к дикому коню и отправить в степь. Уцелел тогда будущий гетман чудом.

Таирова-Яковлева объявила эту историю неправдой, а самого рассказчика обвинила в клевете. «Пасек, – отмечает она, – в своем произведении заявляет, что Мазепа «от стыда» поехал вон из Польши и что якобы не знает, что с ним дальше стало. Это явная ложь, так как в 90-е годы XVII века, когда Пасек писал свой «Памятник», о Мазепе, тогда уже гетмане Украины, знали в Речи Посполитой все».

«Знали все» – конечно же преувеличение, но дело в другом. Свой «Памятник» (мемуары) Пасек писал не в 90-х годах XVII века, а между 1670–1690 годами (точная датировка неизвестна), то есть, скорее всего, до того, как в 1687 году Мазепа стал гетманом и получил, по мнению «ученой» дамы, всепольскую известность.

Столь же несостоятельно другое, приводимое Таировой-Яковлевой, «опровержение» того же эпизода – факт женитьбы Мазепы в 1668 году на родной сестре супруги гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко. «Это лиш-

ний раз доказывает, что на прошлом Мазепы не было никакого «пятна позора» в стиле рассказней Пасека – можно не сомневаться, что в противном случае ему бы не позволили породниться с казацкой элитой Правобережья».

Однако обиды и оскорбления, понесенные от шляхты, во все не считались бесчестьем в казацкой среде. Наоборот, такой «несправедливо пострадавший» мог рассчитывать на сочувствие, тем более если он сам оскорбил шляхтича, наставив тому рога. Прочитированный пассаж из сочинения Таировой-Яковлевой доказывает всего лишь, что она не вполне знакома с нравами той эпохи, о которой взялась рассказывать.

Об этом же свидетельствуют рассуждения автора о нашумевшем романе старого гетмана с Мотрей. Сообщив, что Василий Кочубей и его жена обвиняли Мазепу в соращении (и даже изнасиловании) девушки, «ученая» дама заявляет: «Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что... Кочубеи переживали за «опороченную честь дочери» (какая же она опороченная, если гетман предлагал на ней жениться)». Между тем еще и в наше время во многих семьях добрачная утрата девушкой невинности считается позором. В начале же XVIII века такие взгляды были всеобщими.

Касаясь доноса (причем, скорее всего, доноса ложного), сделанного в Москве Мазепой (еще не гетманом) на кошевого Ивана Сирко, Таирова-Яковлева оправдывает главного героя книги, поясняя, что Мазепа в данном случае мстил за-

порожцу и «основания у него для этого, как мы увидим ниже, имелись». А ниже «ученая» дама повествует о том, как Мазепа по приказанию Петра Дорошенко вез под охраной татар подарок крымскому хану – 15 пленных казаков, предназначенных для обращения в рабство.

Караван перехватили запорожцы. Татар перебили, пленных освободили. Мазепа, осознав бесполезность сопротивления (нападавших было намного больше), предпочел сдаться сразу. «Запорожцы, – повествует автор далее, – услышав показания освобожденных ими казаков и прочитав бывшие с Мазепой письма, тут же хотели его «растерзать и убить». Но сделать этого не дали Сирко и другие «товарищи» (то есть заслуженные казаки)».

Иными словами, кошевой спас Ивану Мазепе жизнь. И позднее, отправляя своего пленника к гетману Ивану Самойловичу (тот настойчиво требовал доставить схваченного посланца Дорошенко к себе), Сирко в сопроводительном письме просил о снисхождении к Мазепе: «Зело и покорно велможности твоей прошение свое приносим о Иване Мазепе... твоя милость, яко отец милосердый, покажи милость свою, чтоб он в неволе не был». «Могу с уверенностью сказать, что никогда, ни до этого, ни после, Сирко так ни за кого не просил», – комментирует письмо Таирова-Яковлева.

Сведения, сообщенные пленным Мазепой Самойловичу и царскому воеводе Григорию Ромадановскому, показались им интересными. Мазепу отправили в Москву, где он, вы-

ражаясь словами Таировой-Яковлевой, «не приминул насолить запорожцам и их атаману», изобразив Сирко изменником, действующим в интересах турецкого султана.

«Где же основания для мести?» – вправе спросить читатель. Их нет. Есть черная неблагодарность Мазепы по отношению к человеку, спасшему ему жизнь. И есть очень уж оригинальная (назовем это так) трактовка «ученой» дамой норм морали.

Не менее «оригинальна» Таирова-Яковлева и в комментировании самого момента захвата Мазепы в плен. «Спротивляться большому отряду запорожцев, – пишет она, – равно как и пытаться бежать от них – означало верную смерть. Но и остаться, и добровольно отдать себя им в руки можно было, только не потеряв присутствия духа. Впрочем, надо признать – Мазепа умел быть храбрым, встречать опасность с холодной головой и с достоинством смотреть в лицо смерти».

Стремление Мазепы избежать смерти вполне понятно. Но логично ли сдачу в плен без боя, капитуляцию, обусловленную исключительно желанием сохранить себе жизнь, именовать храбростью?

Из таких вот «оригинальных» суждений в значительной мере и состоит книга «Мазепа». Пообещав в предисловии создать «объективный портрет» гетмана, предоставить читателю «выверенные факты», выйти за рамки черно-белых оценок, использовать «всю палитру красок», г-жа Таиро-

ва-Яковлева применяет только одну краску – белую, подменяя выверенные факты набором собственных домыслов и разглагольствований. В результате ее книга представляет собой не биографию исторического деятеля, а некое житие святого (хотя до святости там очень далеко). Какие бы подлости ни совершал Мазепа, кого бы ни предавал, как бы ни торговал Украиной – для Таировой-Яковлевой он все равно остается патриотом, честным человеком, глубоко верующим христианином, даже спасителем страны. «Разве мог другой человек вырвать Украину из хаоса Руины? – восклицает «ученая» дама, в очередной раз перечислив достоинства своего кумира. – История отвечает однозначно: сделать это смог только Мазепа». (Следует напомнить, что эпоха Руины – кровавой междоусобицы – закончилась при Иване Самойловиче, то есть до прихода Мазепы к власти.)

Некоторые ошибки автора довольно курьезны. Так, город Лебедин она называет «Леблядином». Сообщает о письме, которое привез от княгини Дольской Мазепе «некий Волошин». (Очевидно, доктор исторических наук думает, что «волошин» – это фамилия, и пишет слово с большой буквы, хотя в действительности так раньше называли выходцев из Валахии, нынешних румын.) Нельзя без улыбки читать и описание Таировой-Яковлевой бегства мазепинцев после Полтавской битвы: «На Днепре разыгрывалась настоящая трагедия. Украинцы бежали со всем своим скарбом. 30 воевод с серебром и деньгами Орлика погибли при переправе.

Его жена «в одном платье» с детьми сумела захватить только шкатулку с драгоценностями и тысячей червонцев. Орлик – поэт, панегирист и образец учености своего времени – метался в отчаянии и обещал казакам 300 талеров за переправу его возов». Характерно, что «трагедией» сочинительница называет не гибель людей, не ужасы переправы перед лицом наступающего противника, даже не военную катастрофу еще недавно непобедимой армии, а утрату «поэтом» (сей деятель помимо прочего специализировался на составлении откровенно подхалимских виршей, воспевавших власть имущих) Орликом награбленного имущества.

Наверное, нет нужды перечислять все огрехи книги. Чтобы привести их полный перечень с необходимыми в таком случае опровержениями, потребовалось бы писать труд не меньший по объему, чем сочинение самой «ученой» дамы. А потому, в дополнение к вышесказанному, стоит ограничиться еще разе что указанием на склонность г-жи Таировой-Яковлевой к фантазированию. Тут надо отдать ей должное: воображение у сочинительницы развито превосходно. Только функционирует оно в ущерб достоверной истории. Вот автор книги ведет рассказ о церковной анафеме Мазепе, провозглашенной митрополитом Стефаном Яворским (малорусом по происхождению). «Очень интересно узнать, какие истинные чувства владели Яворским», – пишет «ученая» дама и начинает строить предположения о тайном сочувствии архиерея гетману, которого он предал церковно-

му проклятию якобы исключительно из опасения подвергнуться репрессиям. Историки, конечно, знают, что свои истинные чувства Стефан Яворский выразил в собственноручно (и добровольно, по побуждению души) написанном стихотворении, где Мазепа назван Иудой, вторым Каином, вторым Иродом, сатаниным сыном и т. п. Но что до того Таировой-Яковлевой?

Примерно такую же степень правдивости имеет утверждение г-жи сочинительницы о скрытых симпатиях к Ивану Мазепе его преемника Ивана Скоропадского. «В своих универсалах, – уверяет «ученая» дама, – он (Скоропадский. – *Авт.*) именовал Мазепу не иначе как «бывший гетман» или «мой предтец», но никогда «изменником», как того требовали российские власти». Между тем универсалы те опубликованы. Изменником в них Иван Мазепа называется многократно (а еще: супостатом, богоотступником, згубцей и т. п.). Очевидно, что указанные документы Таирова-Яковлева не читала (оно ей надо?), а просто напридумывала то, что лучше соответствует концепции жития.

Ну а самым курьезным в книге является приписывание автором своему герою роли «серого кардинала» в свержении в 1689 году правительницы Софьи. Как провинциальный деятель, только изредка наезжавший в столицу, вообще мог играть такую роль – загадка для всех, но не для «ученой» дамы. Целиком находясь в плену собственных фантазий, не без гордости сообщает она, что ранее «никто из историков не за-

давался этими вопросами». А далее живописует, как фаворит Софьи князь Василий Голицын, считая Мазепу союзником, планировал двинуть на Москву армию украинских казаков, как обхаживала Ивана Степановича сама правительница и как гетман, давно связанный с партией царя Петра, встал на сторону юного монарха.

Изрекая такие «откровения», доказательств сочинительница, естественно, не приводит. Кроме разве что одного: за десять лет до описываемых событий Мазепа вел «долгие, смелые и откровенные разговоры» с думным дьяком Ларионом Лопухиным, тем самым, что «был отцом Евдокии, жены Петра». И «нет оснований полагать, что эти контакты впоследствии прекратились». Достаточно ли для столь фантастического предположения одного факта беседы десятилетней давности (когда в Кремле сидел другой царь, Софья не являлась правительницей, Мазепа – гетманом, а Евдокия Лопухина женой Петра) – вопрос, по-видимому, риторический. К тому же «нет оснований полагать» – это не аргумент, ибо точно так же нет оснований полагать, что те контакты продолжались (во всяком случае, «ученая» дама ни одного такого факта не приводит).

Если бы г-жа Таирова-Яковлева писала художественные произведения, то, возможно, смогла бы затмить самого Валентина Пикуля (тоже весьма посредственно знавшего историю, что не мешало ему строчить «исторические» романы один за другим). Однако она считает себя ученой, сочинения

свои отдает в солидные издательства, и, увы, там их иногда печатают. Остается надеяться, что появление сей дамы в корте авторов ЖЗЛ – досадное недоразумение.

Вопрос этот немаловажен. Ибо сочинительница, вдохновившись многочисленными похвалами, останавливаться на достигнутом не собирается. Своими творческими планами она поделилась в интервью упомянутым выше украинским газетам. Там «ученая» дама сообщила, что будет сочинять (и, как увидим далее, таки сочинила) еще одну книгу о Мазепе. «В новой книге, – пообещала она, – напишу и обязательно приведу много интересных фактов о том, как этот украинский гетман вообще-то на протяжении двух десятилетий своего правления вместе с московскими руководителями очень успешно создавал Российскую империю. В том числе и с помощью оружия. Вспомним хотя бы победные Азовские походы, которые ни до Мазепы, ни после него никто не смог повторить». Данную тему сочинительница развила и в другом интервью: «Участие именно И. Мазепы, его опыт, знания, советы имели очень большое значение для успехов русского и украинского оружия во время Азовских походов».

Если учесть при этом, что Мазепа вообще в Азовских походах участия не принимал (кстати, победным был только второй из них), то несложно догадаться, каким опусом планировала осчастливить (и осчастливила!) публику профессор Санкт-Петербургского университета.

В заключение – еще одно замечание. Доктору исторических наук, мнящему себя специалистом по истории Украины, следовало бы знать, что орган власти, возглавлявшийся во время революции 1917 года Михаилом Грушевским, назывался Центральной, а не Генеральной радой. О Грушевском сочинительница вспоминает как об одном из авторов, писавших о мазепинской эпохе. И сильно гневается на него, а также на Николая Костомарова, за негативные отзывы о ее герое. Справедливости ради нужно признать, что и Костомарова, и (тем более) Грушевского критиковать есть за что. Вот только не Таировой-Яковлевой упрекать их в «поверхностном» изучении биографии гетмана. Ибо ее произведение о Мазепе получилось не просто поверхностным. Оно получилось скандально слабым, даже позорным. И позор этот большим пятном ложится и на университет, где имеются такие профессора, и на всю российскую историческую науку, где таким «историкам» присуждают ученые степени.

И последнее. Книгу Т.Г. Таировой-Яковлевой «Мазепа» нельзя подвести под русскую поговорку «Первый блин комом». Ком, увы, не первый. На Украине еще в 1998 и 2003 годах издали на украинском языке две книги «ученой» дамы. Обе они также переполнены элементарными ошибками. Чего стоит, например, рассуждение автора о Молдавии середины XVII века как о «независимом государстве» (!).

На первую из этих книг появилась рецензия в малотиражном украинском журнале «Украинское гуманитарное

обозрение». Рецензент добросовестно перечислил многие недостатки сочинения, точь-в-точь такие же, какие повторились потом в «Мазепе». Тут и отсутствие концептуальной стройности и логичности изложения, и крайне субъективные, предвзятые оценки исторических персонажей, и грубые ошибки, путаница, игнорирование (а то и незнание) фактов, не вписывающихся в построенную автором концепцию, и слишком уж вольная трактовка исторических источников и т. д. Правда, поскольку в современной Украине (как когда-то в тоталитарном СССР) главным достоинством книг по истории считается не научность их, а идеологическая направленность (с этим, с точки зрения адептов «украинской национальной идеи», у российской «ученой» дамы все в порядке), то сие сочинение автор рецензии все же одобрил. При этом он выразил сожаление, что книга «увидела свет только в Украине, и таким образом российскому читателю неизвестна».

К данному сожалению вполне можно присоединиться. Если бы первая книга г-жи Таировой-Яковлевой стала известна в России раньше, то, может быть, никому в редакции солидного научного журнала не пришло бы в голову просить ее написать статью по истории Украины, популярное издательство не пригласило бы сию «ученую» писать книгу, министерство иностранных дел не стало бы обращаться к ней за «исторической справкой», а «коллеги-специалисты» не спешили бы с одобрением столь безграмотного сочинения.

Бездна невежества-2

Новая книга профессора Санкт-Петербургского университета, доктора исторических наук, директора Центра по изучению истории Украины Татьяны Таировой-Яковлевой о гетмане Иване Мазепе не могла не привлечь к себе внимания. Не могла уже потому, что предыдущее ее произведение на ту же тему¹ получилось необычайно скандальным (см. предыдущую главу). Та «монография» (так не без гордости именует свой печатный труд Татьяна Геннадьевна) оказалась переполнена грубейшими ошибками, наглядно продемонстрировавшими вопиющее невежество автора, что вызвало в ее адрес множество критических замечаний и даже насмешек.

Читатели вправе были ожидать, что оконфузившаяся рассказчица недостоверных историй об украинском гетмане попытается реабилитировать себя. Такая попытка действительно состоялась. Судя по всему, Таирова-Яковлева добросовестно проштудировала разгромные рецензии на свое творчество. Большинство ошибок, на которые указывали критики, она старательно исправила. Многие нелепости, содержащиеся в первой «монографии», в новом тексте отсутствуют. Мало того, сочинительница открыто признала отдельные

¹ Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М., 2007.

свои упущения (правда, только такие, вину за которые можно свалить на других²). Работу она провела воистину титаническую (исправлять-то ой как много пришлось!). Можно было бы похвалить Татьяну Геннадьевну за трудолюбие, но...

Но так уж вышло, что, выправив одни погрешности, «ученая» дама тут же в неменьшем количестве допустила другие. Их разбору и будет посвящена настоящая глава. Сначала, однако, о хорошем. Нужно признать: в некотором отношении вторая «мазепинская» книга – шаг вперед по сравнению с предыдущей. Кое в чем автор, безусловно, приблизилась к истине. К примеру, она больше не приписывает любимому гетману исключительную заслугу вывода Украины из Руины. Наоборот, отмечает роль в указанном процессе Ивана Самойловича, а Мазепу показывает продолжателем усилий предшественника³.

Гораздо сдержаннее высказывается Таирова-Яковлева и о так называемой «Батуринской резне». Речь уже не идет об уничтожении «всего гражданского населения», «всех женщин и детей», «15 тысяч украинцев»⁴. Вместо этого отмечается, что «погибло множество защитников и жителей го-

² Например, на С.М. Соловьева, неправильно указавшего фамилию собеседника Мазепы во время пребывания будущего гетмана в 1679 году в Москве, или на неназванных переводчиков дневника П. Гордона.

³ Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011. С. 16. Далее страницы этого издания указываются в тексте в скобках.

⁴ Она же. Мазепа. С. 223.

рода» (с. 357). С такой формулировкой отчасти можно согласиться. К сожалению, подобных примеров сравнительно немного. Они просто теряются в общей массе ошибок, легковесных суждений, откровенно неправдоподобных домыслов. Невежество сочинительницы обнаруживается сразу, с первых же страниц новой «монографии», уже во введении, претенциозно озаглавленном «Отказываясь от мифологии».

Достигнуть задекларированной цели (то есть отказаться от мифологии) у автора не получается по причине слабого знакомства с эпохой, о которой взялась рассказывать. Темой повествования она не владеет, а потому не умеет отличить мифы от правды. Ляпы в книге следуют буквально один за другим. Утверждается, например, что «Мазепа не был «пажом» польского короля», а «был отправлен ко двору Яна Казимира в качестве «покоевого» (дворянская должность)» (с. 10). Где же здесь миф? Паж – та же дворянская должность. В научной литературе слова «паж» и «покоевый» часто употребляются как синонимы⁵. Проблема, вероятно, в том, что не все профессора Санкт-Петербургского университета с такой литературой знакомы.

На эту же проблему указывают тезисы, следующие непосредственно за процитированными: «Нет ни одного источника, кроме литературного произведения (так называемого

⁵ См., например: К родословной гетмана Ивана Мазепы // Киевская старина. 1886. № 12. С. 758; *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Т. 3. Киев, 1912. С. 288.

«памятника») А. Пасека, лично ненавидевшего Мазепу, подтверждающего рассказ о романе Мазепы с Фальбовской и о «коне». Об этом унижительном для Мазепы эпизоде не упоминает ни один из его врагов-современников – ни запорожцы, ни В. Кочубей, ни С. Величко. Кроме того, этот эпизод не вписывается в хронологию известных о Мазепе фактов, относящихся к 60-м годам XVII века» (с. 10).

Однако «Памятные записки» Яна Пасека (у Таировой-Яковлевой приведен неправильный его инициал, но это, наверное, опечатка) – не художественное произведение, как следует из контекста, а серьезный исторический источник. Запорожцы могли жаловаться на какие-то распоряжения гетманской власти. Кочубей писал об измене царю. При чем тут амурные похождения Мазепы в юности? Казацкий летописец Величко вообще не сообщает никаких подробностей о службе будущего гетмана при королевском дворе. К тому же перечисленные Татьяной Геннадьевной «свидетели» могли не знать о случившемся когда-то давно в Польше. Не думаю, что сам «герой» скандала сильно распространялся на сей счет.

Зато знали об этой истории и писали о ней, помимо Пасека, такие современники Мазепы, как польский мемуарист Эразм Отвиновский, французский посол в Речи Посполитой маркиз де Бонак, словацкий путешественник Даниэль Крман⁶. О двух первых автор «монографии» не упоминает (мо-

⁶ Стоит также заметить, что записки Пасека впервые были опубликованы в XIX

жет, не подозревает об их существовании?), а на «Дорожный дневник» Крмана ссылается много раз. Достоинно удивления, что описания интересующего ее эпизода⁷ сочинительница не заметила. Разве что указанный источник она просматривала слишком уж поверхностно (если вообще просматривала, а не заимствовала цитаты у других авторов). И еще: вопреки утверждению «ученой» дамы, столь не нравящееся ей происшествие вполне вписывается в «хронологию известных фактов». В этот раз Татьяна Геннадьевна не вдается в объяснения, но из предыдущей «монографии» ясно: сообщение Пасека она относит к 1662 году и увлеченно «опровергает» ссылками на пребывание Мазепы при дворе короля в начале 1663 года. Между тем Пасек указывает четко: скандал случился «на другой год» после 1662-го, то есть в 1663 году⁸. Остается предположить, что и этот источник Таирова-Яковлева изучала не очень внимательно.

«Мазепа верно служил Дорошенко, пока не попал в плен к запорожцам в 1674 году», – читаем в разбираемой книге, автор которой уверяет: на службу к Самойловичу Мазепа пошел лишь после того, как Дорошенко «уже отказался от булавы» (с. 6). «Исключительная верность и последовательность!» – умиляется по сему поводу сочинительница. И тут же добавляет: «Только если смотреть на факты через черные

веке, и о скандальном происшествии с Мазепой историки знали уже в XVIII веке.

⁷ Крман Д. Подорожній щоденник. Київ, 1999. С. 35.

⁸ Пасек Я.Х. Из записок // Русский архив. 1878. Т. 3. С. 346.

очки, можно это оспаривать» (там же).

Трудно сказать, через какие очки смотрит на прошлое слагательница оды верности, но факт остается фактом: попав в плен, Мазепа выдал все, что знал о Дорошенко, а взятый на службу Самойловичем, участвовал в 1676 году в походе против своего бывшего гетмана. В результате этого похода окруженный русскими войсками Дорошенко и был вынужден отказаться от булавы.

Наверное, нельзя здесь судить Мазепу слишком уж строго: он просто испугался и спасал себя. Но и приходить в восторг от его «верности и последовательности» оснований, кажется, нет.

«Мазепа не изменял В.В. Голицыну, так как приносил присягу не фавориту, а царям Петру и Иоанну» (с. 10), – следуют новые рассуждения о верности. «Ученая» дама защищает своего героя от упреков историков. Хотя должно быть понятно: речь идет не о государственном преступлении (нарушении присяги), а о личной неблагодарности гетмана по отношению к человеку, благодеяниями которого пользовался и благодаря которому получил булаву.

«На протяжении многих лет Петр отказывался покровительствовать Палию... приказал Мазепе его арестовать и сослать в Сибирь. Роль гетмана в этом случае весьма пассивна», – утверждает Таирова-Яковлева (с. 9). И она же это утверждение впоследствии опровергнет, сообщив, что Мазепа настойчиво слал в Москву доносы на полковника, а за-

тем арестовал его, «не дожидаясь распоряжений царя» (с. 174). Случаи противоречия «ученой» дамы себе самой будут встречаться в книге регулярно.

«Мазепа не соблазнял Мотри Кочубей. Их переписка свидетельствует об исключительно платоническом характере романа» (с. 10). Но о платоническом характере романа «свидетельствует» только сам Мазепа в письме, специально предназначенном (как можно предположить) для глаз отца девушки. Супруги Кочубей говорили об обратном: гетман совершил их дочь. Кому верить? Об истине можно догадываться, но не заявлять что-либо категорически.

«В XVII–XIX веках брак пожилого состоятельного человека с юной девушкой был распространенным явлением... Во времена Мазепы 80-летний значный товарищ П. Забела женился на молодой вдове и имел от нее двоих детей» (с. 10).

Ну, во-первых, доживший (если в родословной правильно показана дата рождения) до 109-летнего возраста и заводивший детей после 80 лет Петр Забела – случай скорее редкий, чем распространенный. Во-вторых, сватался старик все же к сорокалетней вдове, а не к шестнадцатилетней девушке (да еще и своей крестной дочери). Проводить аналогии тут неправомерно.

«Так как Мотря была крестницей Мазепы, он намеревался просить у киевского митрополита разрешения на этот брак и, учитывая заслуги гетмана перед церковью, наверняка бы его получил», – считает сочинительница. А вот Мазепа со-

всем не был уверен в положительном решении церкви, что доказывают его неоднократно публиковавшиеся (в том числе – Татьяной Геннадьевной) письма⁹.

«Совершенно неясно, почему сватовство 65-летнего вдовца – Мазепы рассматривается некоторыми как «блуд», а женитьба старого генерала на Татьяне Лариной – как идеал любви и верности» (с. 10).

Незнакомство Таировой-Яковлевой со знаменитым произведением Александра Пушкина отмечал в рецензии на первую ее «монографию» о Мазепе доктор исторических наук С.Н. Полтораки¹⁰. К этому мнению можно присоединиться. Пушкинскую Татьяну всегда превозносили как идеал верности мужу, но не любви (любила-то она Онегина). Недостаточно высокий уровень образованности «ученой» дамы (иначе незнание «Евгения Онегина» расценить невозможно) обнаруживается здесь явственно, несмотря на все ее ученые степени и звания.

А подтверждается сей уровень репликой автора книги по поводу имевшей когда-то место в Южной Африке театральной постановки пьесы о гетмане: «Нам трудно представить себе Мазепу в исполнении коренного жителя Африканского континента» (с. 8). Представлять чернокожего актера в указанной роли нет необходимости. Почти до конца прошлого века Южно-Африканская Республика являлась высокораз-

⁹ Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. С. 264.

¹⁰ Полтораки С.Н. О мазеповедении и иудознастве // Клио. 2007. № 3. С. 131.

витым государством белых, о чем известно очень многим людям и без высшего образования. (Люди с высшим образованием об этом, наверное, знают все, ну, кроме одного профессора Санкт-Петербургского университета.)

Теперь об историографическом обзоре, включенном во введение. Такие обзоры, краткий рассказ о работах тех, кто писал на соответствующую тему ранее, являются неотъемлемой принадлежностью научных (или претендующих на научность) трудов. У Татьяны Геннадьевны обзор не получился. И не мудрено: прежде чем говорить о работах «предшественников», желательно эти работы хотя бы прочесть, что она делала далеко не всегда.

Например, Таирова-Яковлева уверена, что «для выдающегося русского поэта, демократа и декабриста К.Ф. Рылеева Мазепа был идеалом борца за свободу и независимость» (с. 8). Она упоминает поэму «Войнаровский», с которой явно незнакома. Борцом за свободу Рылеев изобразил гетманского племянника Андрея Войнаровского. О дяде же его устами своего героя высказывается не совсем лестно:

Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны
Иль в ней себе воздвигнуть трон —
Мне гетман не открыл сей тайны.
Ко нраву хитрого вождя
Успел я в десять лет привыкнуть;
Но никогда не в силах я

Был замыслов его проникнуть.
Он скрытен был от юных дней,
И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.
Но знаю то, что, затая
Родство, и дружбу, и природу,
Его сразил бы первый я,
Когда б он стал врагом народу¹¹.

В плане оставшейся ненаписанной поэмы «Мазепа» Рылеев высказался определеннее: «Мазепа. Гетман Малороссии. Угрюмый семидесятилетний старец. Человек властолюбивый и хитрый, великий лицемер, скрывающий свои злые намерения под желанием блага родине»¹². Неблагоприятные отзывы о гетмане можно найти и в других черновых заметках поэта (они опубликованы).

Не лучшую информированность проявляет «ученая» дама в вопросе об отношении к Мазепе авторов народных дум. Она, правда, признает, что ими гетман изображается в неприглядном виде, но стремится обесценить этот факт: «При изучении казацких дум, посвященных Мазепе, следует проявлять осторожность. Знаток украинского народного творчества Драгоманов считал многие из них фальшивыми» (с. 9).

¹¹ Рылеев К.Ф. Полное собрание сочинений. Л., 1934. С. 219.

¹² Там же. С. 413.

Соответствующую работу Драгоманова Татьяна Геннадьевна не читала (это следует из библиографической сноски), пользовалась пересказом других авторов, а напрасно. Знарок народного творчества, Михаил Драгоманов действительно признавал поддельными некоторые из опубликованных ранее дум, но в своем труде публиковал произведения подлинные, записанные квалифицированными собирателями фольклора непосредственно «из народных уст»¹³. А там «проклятый Мазепа», «превращий Мазепа», «пес Мазепа» и тому подобные выражения попадают на каждом шагу¹⁴.

В научной мазеповедческой литературе Таирова-Яковлева тоже ориентируется слабо. Значение трудов дореволюционных российских исследователей отвергается ею напрочь: «Нельзя всерьез судить об истинном мнении о Мазепе историков, чьи работы подвергались жесточайшей цензуре, а именно так обстояло дело и в Российской империи, и в Советском Союзе» (с. 7). В частности, сочинительница подозревает в политической заангажированности Николая Костомарова, который «писал свою монографию в годы, когда украинское движение (после разгрома Кирилло-Мефодиевского товарищества) пыталось примириться с российскими властями и старательно подчеркивало свой отказ от любых идей сепаратизма» (там же).

¹³ Драгоманов М. Політичні пісні українського народу XVIII–XIX ст. Частина 1. Розділ II. Женева, 1885. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 1, 2 и др.

Развивая мысль, «ученая» дама сообщает, что «после отмены в начале XX века цензуры сразу же появились русские исследования, где высказывались совершенно иные суждения о Мазепе (не говоря уже об украинских «промазепинских» работах, например монографии Ф.М. Уманца») (там же).

Доктору исторических наук не мешало бы знать, что предварительную цензуру для книг объемом более десяти печатных листов (то есть для всех солидных монографий по истории) отменили в России в 1865 году. Значение цензурных строгостей более раннего периода также преувеличено. Не в них нужно искать истоки негативных оценок гетмана русской историографией. Скажем, упомянутый Михаил Драгоманов¹⁵, историк, фольклорист, литературовед и в то же время ярый противник самодержавия, оказавшись в 1876 году за границей, мог не бояться цензоров. Но Мазепу он все равно именовал «проходимцем»¹⁶.

В «подцензурной» России о гетмане высказывались умереннее. Названная Татьяной Геннадьевной книга Ф.М. Уманца, задавшегося определенной целью оправдать Мазепу, вышла в Петербурге в 1897 году (то есть до пресловутых свобод 1905 года). Ее критиковали, но не запрещали.

Стоит также напомнить, что Кирилло-Мефодиевское об-

¹⁵ Сегодня его считают украинским ученым, но в то время деятелей науки на украинских (малорусских) и великорусских не делили – все были русскими.

¹⁶ Драгоманов М. Указ. соч. Частина 1. Розділ І. Женева, 1883. С. XLVIII.

щество было разгромлено в 1847 году, а монографию «Мазепа» Николай Костомаров писал в конце 1870-х – начале 1880-х годов (в совершенно другую эпоху). Можно догадаться, что директор Центра по изучению истории Украины перепутала разгром Кирилло-Мефодиевского общества с другим репрессивным актом, так называемым Эмским указом 1876 года (вряд ли настоящий историк допустил бы столь грубую ошибку).

Что же касается работ с «совершенно иными суждениями о Мазепе», якобы появившихся в послецензурную эпоху начала XX века, то из таковых «ученая» дама назвала всего одно сочинение – «Историю украинского народа» Александры Ефименко. При этом крайне сомнительно, что Таирова-Яковлева взяла на себя труд прочесть указанное сочинение. На поверку ничего «совершенно иного» там не оказывается. Как и другие исследователи, Ефименко именуется переход гетмана к шведам изменой, говорит о двуличии Мазепы, отмечает его непопулярность в народе¹⁷. А достоинства и заслуги гетмана (природный ум, опыт, энергичное поначалу содействие политике Петра, строительство храмов) не отрицались русской исторической наукой задолго до Ефименко (и даже до отмены предварительной цензуры)¹⁸.

Резоннее говорить о подконтрольности цензуре истори-

¹⁷ Ефименко А.Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 269–270.

¹⁸ См., например: Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 1—15. М., 1837–1843.

ков советских. Но и тут сочинительница предъявляет претензии невпопад: в СССР, дескать, «вопреки фактам и здравому смыслу» ничего не сообщали о «решающей роли» в Азовских походах «лично Мазепы» (с. 3).

Как известно, в Азовских походах лично Мазепа участия не принимал. Малорусскими казаками при осаде и штурме крепости командовал наказной гетман Яков Лизогуб. Мазепа в это время находился в другом регионе – Приднепровье, где тоже шли боевые действия. Иногда, впрочем, исследователи объединяют военные операции русской армии тех лет под общим названием – Азовско-Днепровские походы. Однако Таирова-Яковлева, возвращаясь к этой теме по ходу книги не один раз, именует походы именно Азовскими и настаивает: Мазепа руководил казаками «под Азовом» (с. 336).

Справедливости ради надо сказать: заблуждение это давнее. Об участии гетмана в том штурме ошибочно упоминалось в некоторых работах, написанных в XVIII веке (что, кстати, снова доказывает: не сдерживала мазеповедов «жесточайшая цензура», Мазепе даже приписывали несуществующие заслуги). Тогдашних исследователей, по всей видимости, сбило с толку то, что, награждая малорусов после Азовской кампании, царь не счел возможным обойти милостями и их гетмана. Уточнить подробности было сложно. Архивы оставались труднодоступными, многие документы в них – неразобранными. Приходилось пользоваться недосто-

верными источниками информации. Отсюда и ошибка. Она была обнаружена и исправлена последующими поколениями историков. Сегодня даже украинские «национально сознательные» авторы, склонные всячески возвеличивать Мазепу, лавров покорителя Азова ему не приписывают. Российская же «ученая» дама, углядев, наверное, «замалчиваемый факт» в каком-то древнем сочинении, выражаясь словами старинной поговорки, бухнула в колокола, не заглянув в святцы.

Убеждена Татьяна Геннадьевна и в том, что победы гетмана и его казаков под Кизикерменом (1695 год) и Азовом (1696 год) «превозносили и патриарх Иоаким (далеко не самый лояльный гетману), и европейские государи» (с. 12). Про европейских государей что-либо сказать сложно – конкретных данных автор «монографии» не приводит. А вот насчет патриарха Иоакима (может быть, и вправду не самого лояльного к гетману) сомнения возникают. Ну, хотя бы потому, что умер он в 1690 году.

Характерно, что тот же тезис о восхищении Иоакима Кизикерменской и Азовской победами содержится и в более раннем сочинении Таировой-Яковлевой¹⁹. Из чего делаем вывод: это не заурядный недосмотр, дата смерти патриарха осталась «ученой» даме неизвестной.

Завершая разбор введения, укажу на еще одну попытку

¹⁹ Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя // Иван Мазепа та його доба: історія, культура, національна пам'ять. Київ, 2008. С. 27.

профессора Санкт-Петербургского университета «отказаться от мифологии». «Некоторые «патриоты» с зашоренными глазами любят повторять, что Мазепа стал символом предательства», – читаем в книге (с. 8). Далее идет рассуждение о терминах «мазепинцы» и «мазепинство», которые, по мнению сочинительницы, символами предательства не являются: «Именно «мазепинцами» называли черносотенцы деятелей украинского национального движения в Галиции... Так вот – эти самые черносотенцы под «мазепинством» имели в виду не измену или предательство, а стремление к национальной свободе и независимости. Значит, Мазепа представлялся им сторонником украинской культуры и самосознания, основанных на автономии и государственности. Немного другое, не правда ли?» (с. 8).

«Неправда!» – хочется ответить Татьяне Геннадьевне. Позволю себе предположить, что работ «этих самых черносотенцев» она просто не читала. В них говорится как раз об измене, а не о развитии культуры и самосознания²⁰. Жаль, что автору «монографии» и это неизвестно.

Немалое количество ошибок обнаруживается в главе 1 «И. Мазепа и И. Самойлович». Наиболее заметная из них

²⁰ См., например: *Казанский П.Е.* Современное положение Червоной Руси. Австро-венгерские зверства. Одесса, 1915. С. 12–13; *Ковалевский П.И.* Основы русского национализма. СПб., 1912. С. 32; *Он же.* История Малороссии. СПб., 1912. С. 140; *Пихно Д.И.* В осаде. Политические статьи. Киев, 1906. С. 289; *Щеголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 21 и др.

– описание условий договора о «вечном мире» между Россией и Польшей (1686 год): «...Волынь и Галиция отходили Польше, Подолье попадало под власть Турции. Договоры с Портой аннулировались, и Москва вступала в Священную лигу» (с. 31).

Тут же становится понятным, что текст соглашения «ученая» дама не читала. О принадлежности Волыни и Галиции там нет ни слова (обе области и без того принадлежали Речи Посполитой). Подолье никак не могло отойти к Турции, так как было турецким с 1672 года. К тому же участия в договоре эта держава не принимала. Утверждать, что по одному и тому же документу ей отдается какая-то территория, тут же все договоры с ней аннулируются, а одна из договаривающихся сторон вступает в антитурецкую Священную лигу (где уже находилась другая договаривающаяся сторона), – верх абсурда. На самом деле Россия и Польша договорились отвоевать Подолье у турок и защищать его потом совместными усилиями.

Яркая демонстрация невежества сочинительницы – отрицание ею взятки, данной Мазепой князю Василию Голицыну: «Едва ли вчерашний запорожский пленник, не имевший больших материальных средств и родни, мог действительно подкупить могущественного фаворита» (с. 52). Вместе с тем деньги, полученные Голицыным от Мазепы, – «5800 червонных золотых, 3000 рублей в копейках, 1200 рублей в талерах битых, что составляло 10 000 рублей», по мнению авто-

ра «монографии», сумма «на самом деле не слишком значительная» и «выглядит как обычный подарок того времени» (с. 54). «Более щедрые «подношения» Мазепа будет потом делать и другим русским сановникам». Как пример «более щедрых» подарков в книге приведено вино, посланное гетманом думному дьяку Е. Украинцеву (примечание на с. 384). Сопоставлены десять тысяч рублей и с «парой соболей ценою 5 фунтов стерлингов», подаренных шотландцем Патриком Гордоном Федору Шакловитому. «Никто же не обвиняет при этом Гордона в желании стать «боярином»!» – пускается в рассуждения Татьяна Геннадьевна (с. 54).

Читая такое, начинаешь сомневаться: понимает ли «ученая» дама то, о чем говорит? «Вчерашний запорожский пленник» перестал быть таковым за 13 лет до описываемых событий (то есть совсем не «вчера»). Необходимые деньги, как свидетельствуют документы, он взял из средств свергнутого гетмана Самойловича. Деньги, кстати, немалые. Историки (настоящие) считали и триста червонцев – «суммой значительной для того времени»²¹. Дом Самойловича в Москве (надо полагать, не самый бедный и маленький), отданный им в приданое дочери, оценивался в две тысячи пятьсот рублей²². Десять же тысяч тогдашних рублей – это, по мнению специалистов, «огромная сумма»²³. Вино или па-

²¹ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. Киев, 1993. С. 337.

²² Уманец Ф.М. Гетман Мазепа. СПб., 1897. С. 56.

²³ Лазаревский А.М. Заметки о Мазепе // Киевская старина. 1898. № 3. С. 477.

ра соболей не идут с ней ни в какое сравнение. И разглагольствования Татьяны Геннадьевны на сей счет можно было бы назвать вершиной нелогичности (чтоб не сказать: глупости), если бы таких «вершин» не наблюдалось в книге превеликое множество.

С одной из них сталкиваешься тут же: «Гетманом Украины Голицын хотел иметь маловлиятельного, сравнительно бедного «чужака», недавнего «запорожского пленника», чуть ли не в кандалах попавшего в Батурин. По его замыслу, этот «чужак», приняв уряд из рук князя, должен был превратиться в сговорчивого «марионеточного» гетмана» (с. 51). Так объясняется откровенное проталкивание князем Мазепы на высокий пост.

О «недавнем пленнике» только что говорилось. Тезис же о его «маловлиятельности» опровергается самой Таировой-Яковлевой: «Мазепа сумел из нищего пленника превратиться в самого доверенного и влиятельного человека в окружении Самойловича» (с. 15–16). Остается констатировать: надергав из работ историков всевозможных фактов, профессор Санкт-Петербургского университета не умеет их осмыслить. Потому и путается.

Выправляя другие ошибки первой главы, стоит заметить, что Варлаам Ясинский не мог быть «бывшим профессором Мазепы в Киево-Могилянской Академии» (с. 35–36). В коллегии (не в академии!) они учились предположительно в

одно время²⁴. Наказной гетман Яким Сомко не был убит на «Черной Раде», как думает «ученая» дама (с. 49), а погиб три месяца спустя. Василий Кочубей до свержения Самойловича не входил в состав казацкой старшины, тем более не являлся ее «лидером», хотя сочинительница убеждена в обратном (с. 48, 50). Он занимал высокую, но не старшинскую должность регента Генеральной канцелярии. И двадцатилетняя его «скрытая борьба за булаву» с Мазепой (с. 55) – плод воображения Татьяны Геннадьевны²⁵.

Неубедительными представляются размышления автора «монографии» насчет слов Патрика Гордона о давней ссоре Самойловича и Голицына в Чигирине: «При описании Чигиринских походов Гордон ничего подобного не писал. И только 9 лет спустя, при описании падения гетмана, упоминал, что Голицын затаил злобу на гетмана... Таким образом, данное свидетельство позднее и не может восприниматься как достоверное» (с. 19).

Почему же свидетельство недостоверное? Во время Чигиринских походов Василий Голицын еще не был всесильным

²⁴ *Киево-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст.* Київ, 2001. С. 617.

²⁵ Пытаясь доказать факт претензий В. Кочубея на гетманство, Таирова-Яковлева ссылается на «уникальное свидетельство» А. Оглобина, якобы видевшего в Киеве в одной частной коллекции портрет с надписью «Гетман Василь Кочубей» (с. 384). Обходя стороной вопрос о достоверности известия (писания Оглобина – довольно мутный источник), стоит заметить, что оно в любом случае ничего не доказывает. В.Л. Кочубей был одно время наказным гетманом и мог соответственно именоваться.

фаворитом. Неудивительно, что Гордон тогда не придал инциденту большого значения. Позднее, в свете дальнейших событий, он вспомнил об этом факте и оценил его по-иному.

Плохо информирована Таирова-Яковлева о церковной истории Украины. Она уверена, что в 1685 году «Голицын решил воспользоваться смертью киевского митрополита, чтобы решить вопрос о подчинении украинской церкви Москве» (с. 34–35). Имя умершего митрополита не называется. По всей видимости, «ученой» даме не удалось его установить. И это не случайно. Если бы Татьяна Геннадьевна меньше фантазировала, а больше работала с источниками, то смогла бы узнать: к тому времени митрополита в Киеве не было уже много лет. «Киевская митрополия в Малой России и престол во граде Киеве митрополии, за несоглаством епархий, никим же назираем вдовствует многая лета»²⁶, – говорилось в патриаршей грамоте о поставлении нового архиерея.

Незнакомство сочинительницы с документами также явно обнаруживается в главе 2 «И.С. Мазепа, В.В. Голицын и Нарышкины». Отмечая предусмотрительность Мазепы, она указывает, что гетман ориентировался не только на царевну Софью и ее фаворита, но и благоразумно «заводил себе покровителей» в окружении царя Петра. «Еще в 1688 году на Мазепу был написан донос... Очень интересно, что в

²⁶ *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVIII веке. Т. 2. Киев, 1851. С. 604.

этой ситуации гетман обратился за покровительством к П.И. Прозоровскому, дядьке царя Иоанна, и к Борису Голицыну, самому активному стороннику Натальи Кирилловны и ее сына. Следовательно, у него имелись хорошие отношения и с этими двумя представителями лагеря Нарышкиных» (с. 72).

Честно говоря, Татьяне Геннадьевне можно немного позавидовать. То, что давно открыто и объяснено исследователями, для нее внове, «крайне интересно», «уникально». Пояснения специалистов «ученой» даме неизвестны, что открывает большой простор для фантазии. Воображение Татьяны Геннадьевны парит в нем словно птица в небесах. К сожалению, парит оно в ущерб достоверной истории.

В упомянутых письмах Борису Голицыну (двоюродному брату фаворита) и Петру Прозоровскому (который вообще-то на сторону Нарышкиных перешел непосредственно в ходе переворота 1689 года) ни про какой донос ничего нет и быть не может. С доносом к тому времени уже разобрались, ему не поверили, и гетман благодарил за то Василия Голицына в письме от 25 марта 1688 года²⁷. Послания же, на которые ссылается сочинительница (вряд ли она прочла их вдумчиво), написаны днем позже и представляют собой обычные для Мазепы заискивания перед влиятельными вельможами. Даже украинские «национально сознательные» авторы говорят тут всего лишь о «ретивом угодничестве» гет-

²⁷ *Листи Івана Мазепи*. Т. 1. Київ, 2002. С. 137.

мана²⁸, хотя и ищут для него оправдания. Подобные письма (их Мазепа писал и другим царедворцам) часто повторяются чуть ли не слово в слово (меняются лишь имена да титулы адресатов) и содержат общие фразы с пожеланиями добра и просьбами хранить пищущего «в благодетельской своей милости»²⁹. Выдавать их за попытку установить контакты с враждебной Василию Голицыну партией Нарышкиных неразумно уже потому, что эти послания пересылались Мазепой через фаворита (письмо Василию Голицыну от 27 марта 1688 года³⁰).

Столь же несостоятельно стремление Таировой-Яковлевой увязать гетмана с Нарышкиными в связи со свадьбой царя Петра в январе 1689 года. Тогда Мазепе была послана грамота с известием о радостном событии и угощение от «праздничного стола». «Сам факт самостоятельных действий Нарышкиных от лица Петра уникален и крайне интересен. А то, что Нарышкины поторопились установить контакт с Мазепой, тем более», – дает свой комментарий «ученая» дама (с. 73).

Это, пожалуй, самое курьезное место в «монографии». Известно, что церемония царских свадеб включала рассылку

²⁸ *Станіславський В.* Від Коломацької ради до повстання Петра Іваненка: нові дані про Івана Мазепу та Україну в 1687–1691 рр. // *Листи Івана Мазепи*. Т. 1. Київ, 2002. С. 73.

²⁹ *Листи Івана Мазепи*. Т. 1. Київ, 2002. С. 141.

³⁰ Там же. С. 147.

гонцов с грамотами и угощениями во все концы страны. Сама сочинительница сообщает, что тот же посланец вез аналогичные грамоты киевскому воеводе и митрополиту (но сделать исходя из этого логичный вывод у Татьяны Геннадьевны не получается). Придавать таким рассылкам иное значение, кроме чисто церемониального, нет ни малейших оснований.

Аналогичный уровень знаний проявляет Таирова-Яковлева, повествуя об отношениях гетмана с приверженцами правительницы Софьи. Внимание здесь концентрируется на истории с портретом царевны, изготовленным на заказ черниговским мастером Л. Тарасевичем и его помощником. Появление портрета (его потом доработали, изобразив Софью со всеми регалиями на фоне двуглавого орла, и в таком виде растиражировали) рассматривается в книге как «пропагандистский» шаг, направленный на подготовку к захвату правительницей единоличной власти. «Удивительно, как этот практически центральный эпизод правления Софьи, столь тесно связанный с Украинским гетманством, никогда не затрагивался исследователями истории Украины», – недоумевает «ученая» дама.

Исследователи истории Украины эпизод этот затрагивали еще в XIX веке (хоть и не считали его «центральным»)³¹. Другое дело, что Татьяне Геннадьевне о сем ничего не ведомо. Да и интересуется ее не сам портрет, а выдуманное ею же

³¹ Г(орленко) В. Старинная южнорусская гравюра // Киевская старина. 1890. № 1. С. 53–54; Уманец Ф.М. Указ. соч. С. 86.

участие гетмана в его изготовлении: «Невозможно представить, что Мазепа не имел никакого отношения ко всей этой истории, где главную роль играли украинские граверы» (с. 70).

«Невозможно представить» – естественно, не аргумент. Тем более что наша сочинительница не имеет представления о многом из того, о чем пишет. Она выстраивает короткую логическую цепочку: Тарасевич – Баранович – Мазепа (Тарасевич из Чернигова, а Мазепу объединяли «теплые и дружеские чувства» с черниговским архиепископом Лазарем Барановичем). На основании чего и следует абсолютно нелогичное, на мой взгляд, заключение о несомненной принадлежности гетмана к «украинским участникам изготовления портрета» (там же). Через несколько страниц тезис повторяется: «Мазепа принимал самое непосредственное участие в изготовлении «царских» портретов Софьи» (с. 83).

Здесь хорошо прослеживается «творческий» метод Таировой-Яковлевой. «Невозможно представить» быстро превращается в категорическое утверждение, якобы точно установленный факт. Желаемое выдается за действительное. Забегая вперед, стоит указать на подобные примеры дальше. В главе 3 затрагивается мятеж Петрика, причем говорится: «Не исключено, что тайным вдохновителем восстания был соперник Мазепы, генеральный писарь Василий Кочубей» (с. 103). «Не исключено» – это пока что предположение. Но в главе 6 «роль В. Кочубея в восстании Петрика» без

всяких доказательств станет уже не подлежащей сомнению (с. 210).

В главе 8 читаем: «Можно предположить, что Мазепа не только сам хорошо знаком с шахматами, но и игрывал партии с Федором Алексеевичем (Головиным. – *Авт.*), так как писал ему, что настало время сделать полякам «шах и мат» (с. 257). Довод не бесспорен (и сегодня шахматные, футбольные, боксерские термины употребляются в разговорной речи не одними спортсменами), но строить предположение действительно можно. Откроем, однако, главу 9, где предположение становится утверждением: «Мы знаем, что он (Мазепа. – *Авт.*)... играл в шахматы» (с. 288). И в примечании: «Об игре в шахматы автор узнала из письма И. Мазепы Ф.А. Головину» (с. 447).

Возвращаясь к главе 2, стоит остановиться на освещении «ученой» дамой переворота 1689 года. В предыдущей «монографии» Татьяна Геннадьевна выставила гетмана эдаким «серым кардиналом», задумавшим и осуществившим отстранение Софьи от власти. «Аргумент» в пользу этой версии сочинительница привела один: за десять лет (!) до описываемых событий Мазепа приезжал в Москву и вел «долгие, смелые разговоры» с думным дьяком Ларионом Лопухиным, «отцом Евдокии, жены Петра»³², а значит, по мнению Таировой-Яковлевой, был связан с Нарышкиными. Учитывая, что в Кремле тогда сидел другой царь, Софья не была

³² Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М., 2007. С. 79.

правительницей, Мазепа гетманом, а Евдокия женой Петра, «весомость» такого «доказательства» можно не обсуждать. Однако в процессе создания новой «монографии» отпало и оно. Таирова-Яковлева выяснила: собеседником будущего гетмана в 1679 году был не Лопухин, а Ларион Иванов. Признав ошибку и возложив вину за нее на С.М. Соловьева, «ученая» дама... вновь завела речь об «активной роли» Мазепы в перевороте (с. 89).

Никакие доказательства для этого Татьяне Геннадьевне не нужны. «Почему Мазепа не принял сторону Голицына? На самом деле это очевидно. Голицын и Софья придерживались внешнеполитического курса, который Мазепа (как и Самойлович) совершенно не разделял: мир с Польшей, отдача Правобережья, война в Крыму», – пишет она (с. 80).

На самом же деле очевидно, что сочинительница не разбирается в том, о чем вещает. У Мазепы не было никаких оснований предполагать, что с отстранением царевны внешнеполитический курс Москвы изменится (он и не изменился). Никакой «активной роли в перевороте» гетман не играл. От него ничего не зависело. Заявление автора «монографии» о будто бы имевшейся у Мазепы возможности «в кратчайший срок» организовать марш казацких войск на столицу, на что якобы рассчитывали Софья и Голицын (там же), следует отнести на счет чрезмерно разыгравшегося воображения «ученой» дамы. Сама же она не один раз утверждала, что Софья и ее окружение (в том числе Голицын) гетману

не доверяли (с. 64, 72–74, 386), что Мазепа «не пользовался популярностью среди казаков» (с. 74), был окружен «личными врагами и соперниками» (с. 76), мог положиться только на «немногих» (там же). Какое уж тут активное участие в заговоре и организация марш-броска?

Указание на то, что, будучи выдвиженцем Голицына, гетман вышел сухим из воды («Вспыльчивый молодой царь, ненавидящий все, связанное с именем сестры и ее фаворита, должен был иметь очень вескую причину, чтобы становиться добрым гением Ивана Степановича», (с. 88)) также несостоятельно. Петр ненавидел совсем не «всё» и не всех. Он умел отличить по-настоящему близких к царевне и Голицыну от служивших им в силу обстоятельств. Г. Косагов и Е. Украинцев, хотя и считались приближенными фаворита, как и Мазепа, были прощены. И Таирова-Яковлева пишет об этом (с. 81).

Достоин отдельного рассмотрения вопрос о так называемых «Московских статьях», утвержденных царем в сентябре 1689 года (по версии сочинительницы, как благодарность за «активное участие» в перевороте). Они называются «главным достижением Мазепы» (с. 88). «Именно Московские статьи стали документом, регулирующим отношения Гетманщины с Россией на протяжении гетманства Мазепы петровского периода. Это был действительно кардинально новый документ, доставшийся гетману в нелегких дебатах с дьяками Посольского приказа. В нем, в частности, преду-

смаатривалось восстановление «аренд», отмененных В. Голицыным, а они давали основной доход и экономическую независимость гетманскому правительству... Московские статьи укрепляли гетманскую власть и автономию Гетманщины (например, гетман получил исключительное право земельных пожалований в Украине)» (с. 88–89).

Процитированный тезис – один из основных в книге. Как считает «ученая» дама, «Московские статьи» отменили «ряд важнейших положений Каламакского соглашения 1687 года» (с. 88) и даже «многих положений Каламакских статей» (с. 89)³³. Поскольку текст «Московских статей» опубликован в приложении к книге, трудно заподозрить Таирову-Яковлеву в стремлении сознательно ввести в заблуждение читателей. Уместнее предположить, что сама Татьяна Геннадьевна по каким-то причинам не разобралась в сути документа. Что там было в действительности? А были челобитные по ряду текущих политических вопросов и ответы на них царской власти (такие челобитные будут периодически подаваться и в дальнейшем). Положений Коломакских («Каламакских») статей они не отменяли, разве что в отдельных моментах уточняли и дополняли их³⁴. Восстанов-

³³ Вообще-то правильно писать: «Коломакское» и «Коломакские», но это вопрос личной грамотности доктора исторических наук.

³⁴ Между прочим, далее сочинительница будет рассуждать о реформах 1707 года, «нарушавших Каламакские статьи и серьезно урезавших украинскую автономию» (с. 283), то есть сама признает: документом, регулирующим отношения Гетманщины с Москвой, были все-таки Коломакские статьи.

ления «аренд» (отмененных по инициативе не Голицына, а казацкой старшины, встревоженной народными бунтами) не предусматривалось. Говорилось о том, чтобы «учинить раду и помыслить о той аренде накрепко не будет ли оная посполитому народу малороссийскому тягостна» (с. 494). Упорядочивалась выдача царских «жалованных грамот на села и мельницы» (с. 497–498), что вовсе не означало предоставления гетману «исключительного права земельных пожалований». Причем это упорядочение, укреплявшее, по заверению автора «монографии», автономию Украины, было одобрено еще Голицыным, проводившим, по тому же заверению, «жесткий курс на сокращение автономии» (с. 89). Как совместить эти два обстоятельства, сочинительница не знает и теряется в догадках.

Завершая тему «Московских статей», нельзя не отметить высказывание тут автора о Мазепе: «Будучи человеком барокко, воспитанным на западной культуре, он свято верил в нерушимость «договорных статей» и рассматривал их как нечто незыблемое и священное» (с. 89). Желание возвеличить гетмана явственно просматривается на протяжении всего сочинения. Но в данном случае чувство меры откровенно изменяет «ученой» даме. Оценивать Мазепу можно с разных позиций, но изображать его наивным идеалистом все же не стоит.

А из ошибок главы 2 нужно еще указать на путаницу с саном Лазаря Барановича. При описании событий, произо-

шедших до 1688 года, его именуют в книге епископом, дальше – архиепископом. Очевидно, Таирова-Яковлева считает, что в последний сан черниговский архиерей был возведен около указанной даты. На самом деле это случилось в 1667 году (по другим данным – в 1666-м).

В главе 3 «Внутренняя политика Мазепы» вновь затрагиваются «аренды». Они не совсем точно охарактеризованы как «запрет на производство горилки (самогона) «домашним способом» (с. 102). Подчеркивая мудрость гетманской политики, Таирова-Яковлева отмечает, что по указу Мазепы запреты не распространялись на случаи свадеб и крестин и «это было сделано впервые» (там же). Здесь вновь необходимо констатировать слабое знакомство сочинительницы с документами эпохи. Исключения для свадеб и крестин делались и при Самойловиче³⁵.

Кроме того, заявление, что «аренды шли совсем даже не «на гетмана» (с. 91), противоречит другому заявлению: «аренды» «давали основной доход и экономическую независимость гетманскому правительству... На эти деньги на протяжении всего петровского периода своего гетманства Мазепа содержал наемные охотничьи войска» (с. 89).

Касаясь универсала Мазепы, устанавливавшего двухдневную панщину, «ученая» дама многозначительно подчеркивает, что в начале XVII века (в период польского владычества) панщина на украинских землях была трехдневной (с.

³⁵ Величко С. Указ. соч. Т. 2. С. 545.

119–120). Однако логичнее проводить сравнение не с порядками почти столетней давности, а с гораздо более близким временем после Освободительной войны, когда панщины не было вообще.

Очень уж примитивно выглядит объяснение автором причин ненависти коренного населения Малороссии к евреям: «Ведь они не давали даром горилку!» (с. 104). При всей деликатности данной темы сводить ее к подобным штампам просто недопустимо.

Ошибки главы 4 «И.С. Мазепа и внешняя политика петровской России»: очередное упоминание о руководстве Мазепы Азовскими походами (с. 143) и комментарий к одной из Коломакских статей, условия которой, дескать, «запрещали любые внешнеполитические контакты гетмана. Но Петр не только игнорировал это положение, но и напрямую нарушал его, давая Мазепе указания вести ту или иную дипломатическую переписку» (с. 136).

Коломакские статьи запрещали гетману сноситься с иностранными монархами «от себя»³⁶, а не выполнять приказы царя (последнее было бы странно). Достоин удивления, что доктор исторических наук не разобралась в простой ситуации.

В целом же ляпов в главе немного. Объясняется это как ее небольшим размером (самый маленький раздел в книге), так

³⁶ *Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским.* Ч. I. М., 1858. С. 17.

и содержанием. Глава в значительной мере состоит из цитирования и пересказа различных документов. Такие пересказы и цитирования (без добавления сюда собственных выводов) – самые сильные места в сочинении. В тех, разумеется, случаях, когда Татьяна Геннадьевна действительно читала пересказываемое и оно не затруднено для понимания ею.

Зато в главе 5 «И.С. Мазепа и Правобережная Украина» количество ошибок увеличивается вновь. Скажем, факт поддержки Мазепой родной сестры в ее конфликте с мужем-поляком вряд ли является тем «ярким примером», с помощью которого можно опровергнуть «миф» о пропольских симпатиях гетмана (с. 157). А дословная передача им в письме Ф. Шакловитому мнений малорусских церковных деятелей не означает, что Мазепа «активно участвовал в богословских спорах (образование позволяло)» (с. 155).

Есть в главе географическая ошибка, целиком перенесенная из предыдущей «монографии». Как бы ни настаивала «ученая» дама (с. 166), а Белая Церковь находится не на Волыни. Да и восстание Семена Палия на значительную часть этой области не распространялось, а следовательно, польская власть там не ликвидировалась, хотя Татьяна Геннадьевна и уверена в обратном (там же).

Из прочих ошибок: соглашение 1625 года между поляками и казаками правильно называть Куруковским, а не Куркуновским (если это опечатка, то слишком объемная). В перечень городов, предназначенных стать полковыми по это-

му соглашению, сочинительница забыла добавить Канев (с. 152). Много ошибок в главе 6 «Казацкая старшина времен И.С. Мазепы». Остается только недоумевать, читая, например, сообщение Таировой-Яковлевой о том, что термин «малороссийский» «появляется примерно с конца 50-х гг. XVII в.» (с. 202). Она указывает (вероятно, как на один из первых случаев применения сего слова) на письмо Юрия Хмельницкого (1660 год). Но наименования «Малая Русь», «Малая Россия» (соответственно и прилагательные к ним) известны с XIV века. Первоначально книжные, к началу XVII века они получают всенародное распространение. В 1638 году гетман Яков Остряница обращается с универсалами «ко всему посполитому народу малороссийскому» и к казакам, живущим «по обеим сторонам реки Днепра на Украине Малороссийской»³⁷. 1648 годом датированы универсалы Богдана Хмельницкого к «малороссийским по обеим сторонам реки Днепр шляхетным и посполитым большого и меньшого чина людям»³⁸ (уж эти-то документы должен знать всякий претендующий на то, чтобы считаться исследователем истории Украины XVII века).

³⁷ *Величко С.* Указ. соч. Т. 4. Приложения. Киев, 1864. С. 131, 140.

³⁸ *Акты*, относящиеся к истории Западной России. Т. 5. СПб., 1853. С. 78.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.